

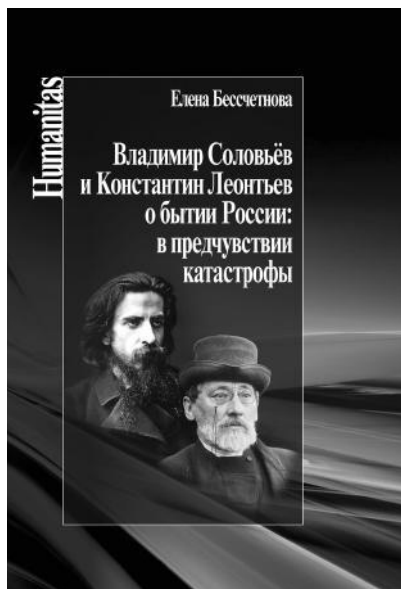
Бессчетнова Е.В. ВЛАДИМИР СОЛОВЬЕВ
И КОНСТАНТИН ЛЕОНТЬЕВ О БЫТИИ РОССИИ:
В ПРЕДЧУВСТВИИ КАТАСТРОФЫ. — М.; СПб.:
Центр гуманитарных инициатив, 2017. — 224 с.

**ЛИСТАЯ
НОВЫЕ
СТРАНИЦЫ**

Книга молодой исследовательницы Елены Бессчетновой посвящена философским взглядам двух русских философов — Владимира Соловьева и Константина Леонтьева. Первый — условно признанный “классик” русской философии, поэт и писатель, яркий полемист и стилист; художественный и интеллектуальный вдохновитель русского символизма, экуменист и либерал, и вместе с тем одна из самых противоречивых и мистических фигур русской культуры. Второй — нервный и резкий по натуре, в конце жизни ставший монахом, не получивший должного признания при жизни писатель и публицист, ученик либерального Тургенева; по замечаниям многих, в итоге один из самых реакционных и консервативных русских философов, предсказавший “рождение Антихриста” в России, ненавидящий либеральную и прогрессивную Европу.

Что роднит две столь разные в первом приближении интеллектуальные фигуры? В книге точно показано, что основанием для сравнения двух философов выступает даже не личное, крайне уважительное и значительное, но при этом весьма трудное их знакомство и общение, в котором недолгие потепления сменялись охлаждением друг к другу (хотя главы книги, посвященные личным контактам философов, невероятно интересны), а общность их главных тем — судьба России и европейского ми-

ра в эсхатологической перспективе. Особенно ценно и ново то, что в книге Е.В. Бессчетновой философы показаны как равноправные партнеры, отдельно отмечено их взаимное идейное влияние друг на друга.

Уже во введении Е.В. Бессчетнова отмечает, что “оба мыслителя жили мечтой восстановить единство христианского человечества, но видели для этого разные способы” (с. 12). Соловьев, всю жизнь боровшийся с кумирами и идолами различных эпох, воплотил свой идеал в проекте “Всемирной теократии” во главе с Русским Императором и Римским Папой. Леонтьев с самого начала был

скептически настроен к любому проектерству, видел в христианстве в первую очередь дисциплинирующую силу, никогда не верил в преобразование социально-исторического мира в посюстороннюю эпоху, полагал разнообразие, неравенство и жесткую власть единственными, хотя и неидеальными барьерами на пути того зла, распространение которого он диагностировал в Европе.

В книге намеренно акцент сделан не на онтологических и софиологических построениях Соловьева, а на идее “всемирной теократии”. Лишь в начале первой главы Е.В. Бессчетнова, отмечая основные позиции соловьевской философии, прямо отмечает, что “только в контексте его учения о Софии можно понять всю полноту концепции о всеединстве, Богочеловечестве, его теократический проект и проповедь Вселенского христианства” (с. 15). Однако далее автор почти не упоминает и не исследует образ Софии в творчестве Соловьева. Концептуальным центром повествования являются историософские взгляды русского мыслителя в их динамике, а остальные сюжеты его философии выступают дополнениями к главной теме. Данный подход полностью себя оправдывает в контексте основных проблем, которые ставит перед собой автор книги, и они определяются сложной задачей не изложения взглядов одного мыслителя, а сравнения и сопоставления двух философов — Соловьева и Леонтьева, разных по способам и методам философствования, но единым по основным интуициям. Для того чтобы эксплицировать это единство, показать разницу, при этом подчеркнув сходство, отразить “единство многообразия” (по выражению одного из героев книги К. Леонтьева — “цветущую сложность”), не потеряв при этом основную линию повествования, автору приходится выбрать именно такую стратегию.

В первой главе книги, посвященной собственно Соловьеву, автор уделяет первостепенное внимание особенностям его восприятия христианства (это отражено в названии самой главы — “Проблема личностного восприятия христианства...”). Из той краткой, но емкой и точной периодизации творчества Соловьева, которую приводит автор, можно сделать вывод, что основным периодом, рассматриваемым в книге, является второй — историософский, этап теоретической работы над проектом всемирной теократии. Е. Бессчетнова характеризует его как этап борьбы с материализмом и позитивизмом, а период работы над идеей всемирной теократии — как способ борьбы с идолом национализма.

Что борьба с национализмом была одной из основных идей Соловьева, можно было бы поспорить. Более того, нам известно, что с возникновения национального государства начинается новая европейская история, либерально-буржуазная и демократическая. Атаку на эту эпоху с позиции критики национализма мог бы начать “ретроград” и “эстет” Леонтьев, но не либерально-прогрессивный Соловьев. Нужно помнить, что для XIX века слова “национализм” и “либерализм” — почти что синонимы. Однако не все так просто. В новоевропейской истории речь все-таки идет именно о нации-государстве, а не о нации как таковой. Нация — это те, кто принадлежит некоторой форме власти, институту того государства. Принадлежит в том смысле, что несет на себе всю полноту гражданственности как совокупности прав и обязанностей.

Е.В. Бессчетнова поясняет, что борьба с национализмом была ценна Соловьеву не сама по себе, а как утверждение принципов христианства, которое изначально противно любой национальной исключительности и обособленности.

ти: “Национализм у Соловьева тождествен национальному эгоизму, уничтожающему самую сущность христианства” (с. 28). В этой логике становится понятен реконструируемый автором ход мысли Соловьева: христианство как принцип всеобщего примирения и “всемирной отзывчивости” (первые обозначенный явно в речах о Достоевском) — борьба с национализмом как обособляющим началом — борьба с разделением церквей как причиной обособленности — проект всемирной теократии как метод и результат борьбы — соединение римского церковного и русского политического имперского начала в симфонии властей.

Подробный разбор “римских” симпатий Соловьева содержится в главе, посвященной взаимным отношениям Леонтьева и Соловьева, где сравниваются два историко-софско-политических проекта мыслителей: всемирная теократия Соловьева и гептастилизм Леонтьева. Бессчетнова показывает разницу взглядов двух мыслителей касательно тех идеалов, на которые они ориентируются. Если для Леонтьева византийское начало выступает основанием религиозно-монархического строя русской жизни, который он всячески поддерживает и одобряет, то для Соловьева византизм есть искаженная форма веры: “В Византии Соловьев видел ложный характер веры, а не ложный предмет веры, который был истинным. Высшая идея христианства превратилась лишь в предмет умственного призвания и обрядового почитания” (с. 109).

Идею всемирной монархии Соловьев перенимает у Данте. Рим выступает для русского философа “вечным символом” христианства, а Римская Церковь, по сути, единственной истинной церковью в истории, так как в проекте всемирной монархии России отводится лишь роль политического,

но не религиозного элемента: «В предисловии к “России и Вселенской церкви” была определена роль России в построении всемирной теократии: Россия призвана войти в нее как политическая сила. Римский папа, Русский царь-самодержец и пророк — именно это необходимо, по мнению Соловьева, для построения монархии» (с. 113).

Н. Бердяев в своем известном очерке “Основная идея В. Соловьева” отмечал: “Он не столько раскрывал себя в своей философии, богословии и публицистике, сколько прикрывал противоречия своего духа. Есть Вл. Соловьев дневной и ночной. И противоречия Соловьева ночного лишь по внешности примирялись в сознании Соловьева дневного. Про Вл. Соловьева с одинаковым правом можно сказать, что он был мистик и рационалист, православный и католик, церковный человек и свободный гностик, консерватор и либерал” [1]. Е.В. Бессчетнова на протяжении всей книги показывает именно эту особенность соловьевского творчества, которое как будто соединяет в себе противоположные полюса, но все они сходятся к единому основанию — к христианству, которое для Соловьева есть не просто “отвлеченная идея”, но личная судьба и мировоззрение. Только исходя из этого понимания можно определить мировоззрение Соловьева как такое, которое обладает некоторым внутренним единством, несмотря на внешние противоречия тем, тезисов и суждений. По большому счету, как христианство есть религия антиномичная¹, предлагающая нам одновременно мыслить мир как падающий и спасенный, Христа как распятого и воскресшего, грех как существующий и искупленный, Бога как самого близкого, воплощенного, и при этом трансцендентного, так и Соловьева необходимо воспринимать в той полноте и цельности

А. Гиринский
Бессчетнова Е.В.
Владимир
Соловьев
и Константин
Леонтьев о бытии
России

¹ Антиномичность христианства нашла яркую интерпретацию у прот. Шмемана в его работах об А.И. Солженицыне: “Только христианство, только ветхозаветно-новозаветное откровение содержит в себе то восприятие мира, которое, войдя в человеческую культуру, явило в ней не только возможность, но и реальность культуры именно христианской и которое, за неимением лучшего определения, я назову триединой интуицией сотворенности, падшести и возрожденности” [4].

его мировоззрения, которое имеет общий корень.

Для разбора взглядов и воззрений Константина Леонтьева автор выбирает немного иную стратегию, чем в случае с Владимиром Соловьевым. Выбор этот не случаен: Леонтьев гораздо менее систематичный философ, чем Соловьев. Эксплицировать его основные философские идеи в том или ином строгом виде крайне сложно, хотя в книге цитируются монографии, где вполне успешно предпринимались такие попытки. Е.В. Бессчетнова считает опорными для анализа Леонтьева два основания — концепцию эстетизма и разработанную им теорию гептастилизма², как учение об основаниях русской жизни во всех сферах, от бытовой до религиозной или экономической.

Именно описание эстетизма Леонтьева является самым спорным и неоднозначным моментом всей книги. Правда, в этом несколько нет вины автора, так как сама эта неоднозначность заложена в самом эстетическом мировоззрении Константина Леонтьева, и написать об этом академично, не предвзято и точно почти что невозможно.

Склонность к эстетическому восприятию мира и культуры — отличительная черта Леонтьева. Ее отмечают многие русские философы — Бердяев и Франк, а также современные исследователи, цитируемые в книге. Идея эстетизма коррелирует в мировоззрении Леонтьева с его историософскими построениями, точнее, она в них воплощается наиболее полно. Самой значимой и истинной формой развития культуры философ полагает стадию “цветущей сложности”, в которой царит неравное многообразие частей, создающее возможности и потенциал развития, которое по своей ширине и глубине не сводимо к линейному прогрессу. Леонтьев — последовательный критик “мещан-

ского”, “буржуазного” периода европейской культуры. В книге прекрасно описан генезис этого мировоззрения, влияние работ Дж.Ст. Милля и А.И. Герцена. Однако леонтьевское представление об истории все время мечется между завроженностью объемами социально-исторических процессов и упрощенными органическими схемами. Ряд прекрасно подобранных Е.В. Бессчетновой цитат его оппонентов и критиков показывает это. Например, мнение Г.В. Флоровского о том, что “в истории он оставался эстетом и биологом, тем вполне удовлетворялся” (с. 69). Ставшее традиционным для религиозно-философского европейского языка разделение на природу и свободу Леонтьев игнорирует, абсурдно смешивая органическое, натуралистическое понимание истории с религиозными ее интерпретациями.

Попытка автора представить эстетизм Леонтьева как мировоззрение Ренессанса представляется недостаточно обоснованной, хотя сама такая попытка кажется амбициозной и определенные основания для такой легитимации леонтьевского мировоззрения присутствуют. Однако для подобного обоснования не хватает аргументов, потому что само мировоззрение Леонтьева слишком мозаично. Мыслитель ценит красоту объемности истории, в которой все-таки не всегда различает добро и зло, доступное и недоступное, приемлемое и неприемлемое. В этом своем уповании на эстетику как свободную форму жизни Леонтьев похож на другого русского борца с новоевропейской культурой — Льва Шестова. Для последнего и сама красота выступала следствием несчастного “грехопадения”, превращения мира в объект знания, а единственным смыслом жизни был Абсурд, который своей грандиозностью и непредсказуемостью (и в этом преклонении тоже есть что-то эс-

² Гептастилизм — “семь столпов”, семь принципов культуры.

тетическое) казался Шестову единственным способом избавления от мелочности мира “разума и необходимости”. Автор книги упоминает Льва Шестова в конце главы про Соловьева, где она совершенно верно и точно критикует его за поверхностную критику соловьевских идей, но, к сожалению, нигде не сравнивает основания эстетизма Леонтьева и “беспочвенности” Шестова, хотя такое сравнение было бы весьма уместно и интересно.

Эстетизм Леонтьева действительно похож на эстетизм Ницше, о чем упоминали многие его критики, и христианская стилистика русского мыслителя здесь, скорее всего, лишь средство языка, а не основа мировоззрения, хотя однозначно сказать об этом трудно. Но, несомненно, вся сила ницшеанского нигилизма ему не свойственна. В текстах Леонтьева нет эстетического аморализма, его стилистика — во многом протест против ханжеской и ложной, с его точки зрения, позиции моралистов. Несомненно, критика Леонтьевым морализма в своих основах справедлива. Говорить о том, что христианство сводится к диктатуре морали и целомудренности (и на этом основании критиковать Леонтьева, как делают многие его оппоненты) — неверно. На этом пути есть много соблазнов впасть в наивное толстовство или автономность морали кантовского типа. Тем не менее стоит напомнить, что Серен Кьеркегор, один из самых известных христианских мыслителей Запада, полагал, что эстетическое мировоззрение ни в какой мере не может являться мировоззрением религиозным. На религиозной стадии оно присутствует в “снятой” форме (гегельянские приемы мысли не оставляли Кьеркегора никогда), но не может торжествовать в развитом религиозном сознании как основополагающий элемент. Правда, есть и общая черта в построении Кьеркего-

ра и Леонтьева — это упование на “страх”, который один ведет через веру к спасению. Подчеркивание “страха Божиего”, а не любви — одна из самых точных и сильных черт леонтьевской философии, его внятная оппозиция тому, что он называл “розовым христианством”. Роднит это Леонтьева также и с Шестовым. Тем не менее при последовательном чтении Леонтьева все рано создается ощущение, что эстетизм на первом этапе его творчества зачастую подавляет все остальное. Это может наводить на мысль, что само христианство привлекало Леонтьева именно эстетически, а не его эстетизм являлся следствием его христианского мировоззрения.

Тезис Кьеркегора удивительным образом подтверждается логикой мысли автора. Е.В. Бессчетнова предельно точно воспроизводит основные этапы его жизни и творчества, через которые становится понятно, что эстетизм преодолевался Леонтьевым, или, по крайней мере, он ослабевал по мере движения к глубокой религиозности. Автор замечает, что для русского мыслителя “мистическое не вытесняет эстетическое”, “эстетизм, стремление к красоте остается, но красота ценится уже не сама по себе, а как следствие проявления действия мистического единства” (с. 65).

Различные стадии жизненного и творческого пути Леонтьева крайне неоднородны. Эта неоднородность не похожа на то многообразие тем, которое свойственно Соловьеву. Христианство для последнего действительно являлось стержневой основой его мировоззрения. Можно сказать, что колебания в его творчестве происходили по линии христианского оптимизма или пессимизма. Как известно, христианскому мировоззрению в равной степени одновременно свойственно и то, и другое. Но Соловьеву это равновесие обрести было невероятно

А. Гиринский
Бессчетнова Е.В.
Владимир
Соловьев
и Константин
Леонтьев о бытии
России

трудно. Если ранний период его творчества и сам проект всемирной теократии — это следствие оптимистических установок, то финальные “Три разговора...” и “Краткая повесть об Антихристе” — свидетельство глубокого отклонения в сторону пессимизма и разочарования в собственных проектах. Подробному разбору этих движений души и мысли Соловьева автор отводит достаточно много места. Но если говорить про Леонтьева, то его неоднородность — это не многообразие тем, а трагичные aberrации эстетического, стилистически подражающего христианству сознания (по крайней мере, на первом этапе) и проблесков действительно сильного, могучего религиозного восприятия мира, которые, правда, наиболее цельно отразились на его личной судьбе, чем на его концепциях.

Е.В. Бессчетнова последовательно разводит взгляды Леонтьева и Соловьева, при этом оставляя возможность для их диалога, как личного, который действительно почти не прекращался, несмотря на все разногласия, так и вневременного, философского, который продолжается до сих пор.

Основная точка объединения философских взглядов мыслителей — это неприятие национализма, и данное неприятие для обоих является следствием подчиненности их мировоззрений христианскому принципу. Но если для Соловьева — христианство скорее момент его внутренней судьбы, то для Леонтьева (по крайней мере в области его историософских и политических построений) оно часто превращается в политическую идеологию и доктрину, а церковь — в инструмент власти. Парадоксально, ведь проект всемирной теократии принадлежит именно Соловьеву, а не Леонтьеву, но придирчивое чтение все время наводит на мысль, что для

последнего церковь скорее агент “мира сего”, чем воплощения христианской правды в этом, по выражению известного богослова К. Барта — “еще не спасенном мире”. Леонтьевский проект гегтастизма — косвенное подтверждение этой интуиции. Семь принципов, воспроизводимые в работе Е.В. Бессчетновой по монографии О.Л. Фетисенко [3], — набор традиционных монархических, реакционных оснований для организации всех сфер жизни. Они не плохи сами по себе, и само слово “реакционный” не следует читать с негативной окраской, но требуется большое творческое воображение, чтобы распознать в этих принципах что-то традиционно христианское, а не традиционное вообще, без дополнительных религиозных определений.

Возможно, правда, и оправдание позиции Леонтьева. Его мировоззрение глубоко трагично, и в этой своей черте оно, несомненно, христианское. Его обвинения в адрес Достоевского и Толстого, несмотря на всю разницу мировоззрений обоих писателей, в конечном счете, сводятся к единому моменту — недостаточности трагического христианского мироощущения. Именно такое отсутствие Леонтьев называет “розовым христианством”, то есть это наивное представление о том, что мир можно изменить, что Царство Божье удастся построить на земле.

Однако христианский трагизм странным образом сочетался у Леонтьева с желанием остановить мир, по его известному выражению, “подморозить” его. Так трагический эсхатологизм обратился в традиционную политическую реакцию, если не у самого мыслителя, то у тех, кто и по сей день вдохновляется его идеями³.

Последняя глава книги Е.В. Бессчетновой посвящена обсуждению утопизма и эсхатологизма. Это сильное концептуаль-

³ Например, В.К. Кантор в своей работе о Леонтьеве дает следующую формулировку: “Там, где Леонтьев думал о бедах, он многое угадал. Там, где он предлагал рецепты спасения, получился конфуз” [2].

ное повествование о том, как в конце жизни христианский трагизм объединил прогрессивного оптимиста Соловьева (по крайней мере в начале своего пути) и трагического эстета Леонтьева. Последний не дожидаясь произведения "Три разговора..." Соловьева, в котором позиции двух мыслителей сблизились наиболее явно.

Е.В. Бессчетнова написала книгу о больших русских мыслителях, которые много предсказали и многое попытались построить. Это подробный рассказ о судьбе самих героев и их идей, о контексте эпохи, о верных пророчествах и смутных, но искренних заблуждениях. Главное, что так или иначе объединило Соловьева и Леонтьева, это христианство — в том эсхатологизме, который предостерегает от любой утопии, но который призывает нас к спасению.

Литература

1. Бердяев Н.А. Основная идея Вл. Соловьева. URL: <http://www.vehi.net/berdyayev/soloviev2.html> (Дата обращения: 20.03.2018).
2. Кантор В.К. Константин Леонтьев: христианство без надежды, или Трагическое чувство бытия // *Вопр. литературы*. 2011. № 4. С. 341–397.
3. Фетисенко О.Л. "Гептастилисты". Константин Леонтьев: его собеседники и ученики. СПб.: Пушкинский Дом, 2012.
4. Шмеман А. О Солженицыне // *Шмеман А. Собрание статей*. 1947–1983. М., 2009. С. 768.

© А.А. ГИРИНСКИЙ,
аспирант Школы философии
факультета гуманитарных наук
Национального исследовательского
университета —
Высшая школа экономики
(НИУ–ВШЭ)

НОВЫЕ КНИГИ

- Кэмпбелл Дж. *Мифы для жизни* / Пер. с англ. СПб.: Питер, 2018. 304 с.
- Майерс Д. *Интуиция* / Пер. с англ. СПб.: Питер, 2018. 256 с.
- Методы принятия решений. М.: Альпина Паблишер, 2018. 208 с.
- Мэнсон М. *Тонкое искусство пофигизма. Парадоксальный способ жить счастливо*. М.: Альпина Паблишер, 2018. 192 с.
- Лонэ М. *Большой роман о математике*. М.: Бомбора, 2018. 320 с.
- Лэйн Н. *Кислород. Молекула, изменившая мир*. М.: Эксмо, 2018. 592 с.
- Павлов И. *Лекции о работе больших полушарий головного мозга*. М.: Эксмо, 2018. 480 с.
- Пламер Ян. *История эмоций* / Пер. с англ. СПб.: Питер, 2018. 568 с.
- Сен-Клер К. *Тайная жизнь цвета*. М.: Эксмо, 2018. 320 с.
- Управление изменениями. М.: Альпина Паблишер, 2018. 226 с.
- Франкл В. *Доктор и душа. Логотерапия и экзистенциальный анализ*. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. 338 с.
- Франкл В. *Сказать жизни «Да!». Психолог в концлагере*. М.: Альпина нон-фикшн, 2018. 240 с.
- Экман П. *Эволюция эмоций* / Пер. с англ. СПб.: Питер, 2018. 336 с.
- Этес К.П. *Бегущая с волками. Женский архетип в мифах и сказаниях*. М.: София, 2018. 448 с.
- Эффективные коммуникации. М.: Альпина Паблишер, 2018. 200 с.

А. Гиринский
Бессчетнова Е.В.
Владимир
Соловьев
и Константин
Леонтьев о бытии
России